

ИГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙДЕМАЙЕРЪ.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца. . . . . 2 » — »
 Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Памяти **Ө. М. Достоевскаго**. **А. Толивѣрова**. — II. Малороссія. **Т. Пассекъ**. — III. Т. Г. Шевченко. * *. — IV. Иванъ Купала. **Н. Сорокинъ**.

ПАМЯТИ

ӨЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКАГО. *)

(Родился 30 октября 1822 г., умеръ 28 января 1881 г.).

31 января утромъ, Петербургъ имѣлъ какой-то особенно праздничный видъ. По всѣмъ направленіямъ несли вѣнки, гирлянды и цвѣты. Движеніе по улицамъ было необычайное. Вся эта пестрая толпа направлялась въ маленькій переулокъ, къ скромному дому.

*) Портретъ покойнаго **Ө. М. Достоевскаго** будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ № „Игрушечки“ въ продолженіи этой статьи. Ред.

Кто живетъ въ этомъ домѣ? что случилось въ немъ? почему собрались подлѣ него люди разныхъ общественныхъ положеній, возрастовъ, сословій и состояній..... Для кого предназначена эта масса вѣнковъ съ надписями: „Другу чести и правды“, „Великому учителю“, „Изъ сердца Россіи“, „Защитнику униженныхъ и оскорбленныхъ“, „Отъ студентовъ“, „Отъ женскихъ медицинскихъ курсовъ“, „Отъ мужскихъ и женскихъ гимназій“, „Отъ присяжныхъ повѣренныхъ“, „Отъ города Петербурга“, „Отъ литераторовъ“, „Отъ Дѣтей“ и другіе.

Но вотъ къ крыльцу подѣхали, подѣ малиновымъ балахиномъ, погребальныя дроги, а черезъ нѣсколько времени, съ лѣстницы послышалось пѣніе, и показался обитый золотымъ глаzetомъ гробъ. Дроги отодвинули назадъ, а гробъ, обвитый гирляндой изъ лавровъ, понесли высоко надъ толпой представители литературы, искусства и воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Изъ Кузнечнаго переулка, гдѣ жилъ покойный, процессія повернула на Владимірскую улицу; подлѣ церкви, около ограды, была пропѣта литія. Въ окнахъ, на балконахъ, на крышахъ, всюду, гдѣ было только можно, стоялъ народъ. Ъзда экипажей и конно-желѣзныхъ дорогъ была остановлена. Со всѣхъ сторонъ слышалось стройное пѣніе „Святый Боже!“ Когда процессія достигла Невскаго проспекта, толпа была такъ велика, что шествіе постоянно прерывалось.

Для многихъ эта торжественность и многолюдность похоронъ была не понятна.

Группами стоявшій народъ дѣлалъ разные предположенія.

Въ одной группѣ говорили, что хоронятъ министра, въ другой—генерала, а въ третьей, состоявшей изъ простого народа, на вопросъ старика-крестьянина „кого хоронятъ?“ Молодой, повидимому, грамотный парень, глядя на вѣнокъ съ надписью, бойко отвѣтилъ: „Друга чести и правды“.

Да, это былъ дѣйствительно „другъ чести и правды“ и я, зная его лично, съ грустью въ сердцѣ берусь за перо,

чтобы въ короткихъ словахъ разсказать біографію того, кого мы только что опустили въ землю, того, чье страдальческое лицо мы только что видѣли. Спокойный, со сложенными на груди руками, онъ на долгое время останется въ памяти тѣхъ, которые перебивали въ его небольшой, небогатой квартиркѣ и проводили въ послѣднее пристанище.

А такихъ людей было много!...

Молодые люди обоого пола, старики, дѣти, знатные, богатые, бѣдные—все почтили память этого труженика искренней, горячей слезой.

Въ его скромномъ жилищѣ, во время панихиды, рядомъ съ генеральскимъ мундиромъ стоялъ простолудинъ, о нуждахъ котораго покойный всегда заботился.

Защитникъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, онъ собралъ въѣхъ воедино подлѣ своего гроба.

Эти похороны, съ десятками тысячъ людей во главѣ, не есть ли наше національное торжество! И человекъ, сошедшій въ могилу, наша національная гордость, не есть ли представитель созрѣвшаго въ душѣ русскаго народа чувства нравственной высоты!

Въ день похоронъ, 1-го февраля, та же толпа пришла поклониться ему въ послѣдній разъ, но, по недостатку мѣста, должна была остаться за оградой кладбища; въ церковь вошла только частица этой тысячной толпы.

Когда отпѣваніе было окончено, тогда депутаты, окружавшіе гробъ, съ вѣнками, направились къ выходу, чтобы занять свои мѣста на дорогѣ, гдѣ понесутъ гробъ.

Но вотъ началось движеніе... Родные и друзья, бережно взявшіеся за скобки и углы гроба, чтобы нести его къ приготовленному мѣсту, были остановлены голосами изъ толпы: „дайте на память цвѣтовъ“, говорили стоявшіе впереди, „бросьте намъ цвѣтовъ“, кричали, протягивая руки по направлению къ гробу, тѣ, которые стояли дальше.

Каждый, выходя изъ церкви, несъ вѣточку кипариса, цвѣтокъ или лавровый листокъ.

Едва снесли гробъ со ступеней церковной лѣстницы, какъ всѣ 75 вѣнковъ, превратившіе покрытую снѣгомъ дорогу въ цвѣтущую аллею, склонились надъ нимъ.

Каждому хотѣлось встать поближе и въ послѣдній разъ взглянуть на гробъ человѣка, который всю жизнь страдалъ страданіями бѣдныхъ и угнетенныхъ людей.

Нелегко было уступать его землѣ! Но вотъ онъ уже скрылся за массою вѣнковъ и толпою молодыхъ людей, которымъ онъ посвятилъ нѣсколько словъ въ своемъ послѣднемъ „Дневникѣ“, и на освѣжающія силы которыхъ такъ надѣялся... Они окружили гробъ, точно какимъ-то колоссальнымъ объятіемъ, и со слезами, тихо, бережно опустили въ землю своего „великаго учителя“.

Еще мгновенье—холодная земля упала нѣсколько разъ на крышку гроба и остановились—леденящіе звуки замѣнились теплыми словами товарища покойнаго, извѣстнаго драматурга А. И. Пальма. Онъ вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и нашимъ симпатичнымъ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ, какъ государственные преступники, были приговорены къ смертной казни въ 1849 году. Но этотъ приговоръ, произнесенный надъ ними на Семеновскомъ плацу, былъ замѣненъ работой въ рудникахъ.

„Какъ теперь вижу“, сказала взволнованнымъ голосомъ А. И. Пальмъ, „минуту нашего прощанья въ декабрѣ 1849 года. Онъ, бодрый, почти веселый и какой-то свѣтлый, вѣрующій, обнялъ меня и сказалъ: „до свиданья, Пальмъ, увидимся, непременно увидимся! Четыре года каторги, потомъ солдатчина, — все вздоръ, пустяки, пройдетъ; а будущее наше!“ Глаза его сверкали; прекрасная, любящая улыбка загорѣлась на его блѣдномъ, измученномъ лицѣ... Прошли многіе трудные годы и въ самомъ дѣлѣ наступило наше свиданье... Ѳ. М. опять все тотъ же бодрый, свѣтлый, вѣрующій—на литературномъ чтеніи въ пользу учащейся молодежи—шепчетъ мнѣ: „а вѣдь мы не пропали! Мало насъ, а все-таки нѣтъ, нѣтъ да и вспомнить стариковъ...“

Вѣдь вотъ же пригодились, не пропали!... “Безъ этой вѣры нѣтъ ничего прочнаго, ничего великаго. Эта вѣра въ свое душевное дѣло неизмѣнно и прямо ведетъ къ всепрощенію, къ признанію правъ въ человѣческой личности, къ полному примиренію”.

Послѣ этой рѣчи и многихъ другихъ, нашъ молодой поэтъ А. В. Арсеньевъ произнесъ слѣдующее прочувствованное стихотвореніе:

Тяжелый для Руси ударилъ смертный часъ,
И звукъ его въ сердцахъ болѣзненно отдался—
Великій человѣкъ безвременно угасъ,
Великихъ словъ потокъ безвременно прервался!

* * *

Усопшій геній нашъ! Въ душѣ своей чистѣйшей
Христовой правоты ученіе вмѣстилъ,—
И низшей братьѣ онъ, униженной, слабѣйшей,
Глаголь святой любви, участія возвѣстилъ!

* * *

Чье сердце, какъ его, любовью къ ближнимъ билось?
Кто могъ, какъ онъ, сердца на путь добра увлечь?
Предъ кѣмъ такъ, какъ предъ нимъ, все низкое таилось,
Почуявъ словъ его разящій, острый мечъ?!

* * *

Что насъ собрало здѣсь, предъ вырытой могилой,
Предъ прахомъ дорогимъ?... О, братья! этотъ часъ
Воочью показалъ съ неотразимой силой,
Что теплится любви святой огонь у насъ!

* * *

Что не померкъ въ душѣ, среди житейской смуты,
Тотъ свѣточъ правоты, что въ ней зажегъ самъ Богъ!...
О, братья! велика торжественность минуты!...
А вызвать этотъ свѣтъ—Достоевскій лишь могъ!...

* * *

Раздвиньтесь гробы, отмѣченные славой! *)
Примите новый гробъ въ свой неподвижный рядъ!..
Въ вашъ тихій сонмъ пришелъ нашъ геній величавый,
Къ кому сердца всѣхъ насъ любовью горять.

* * *

*) О. М. Достоевскій похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, недалеко отъ Жуковского, Крылова, Гнѣдича, Баратынского и кн. Вяземскаго.

Усни же, геній нашъ! Не зависть здѣсь тебя,
А чистая любовь сердечная хоронить!...
Отсюда всякъ поидетъ, въ душѣ своей скорбя,
А здѣсь, на прахъ слезу горячую уронить!...

Послѣ похоронъ толпа долго еще не расходилась. Отъ вѣнковъ остались только проволоки да палки, на которыхъ ихъ несли. Холодный вѣтеръ на всѣ стороны разносилъ оторванные лавровые листья, ихъ тотчасъ же подбирали и бережно разносили по домамъ.

„Какое же можетъ быть счастье, если оно основано на чужомъ несчастіи“.

Достоевскій.

Мое знакомство съ покойнымъ Ѳедоромъ Михайловичемъ произошло въ концѣ 1876 г. при совершенно неожиданныхъ обстоятельствахъ. Онъ, не зная меня лично, выручилъ меня изъ очень затруднительнаго положенія. И когда я пошла благодарить его, то онъ крайне былъ этимъ взволнованъ.

Какъ сейчасъ вижу его. Блѣдный, одѣтый въ длинно-полый темно-коричневый сюртукъ, онъ подошелъ ко мнѣ быстро, сразу, взявши за обѣ руки, сказалъ: „жаль мнѣ васъ, но таковы условія цензуры... Надобно знать время, когда что можно и когда чего нельзя“. Посадивши меня, самъ онъ продолжалъ стоять. Мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко сидѣть, но онъ удержалъ меня, говоря: „на меня не смотрите, я иногда не могу сидѣть“. Въ лицѣ Ѳедора Михайловича всего болѣе поражали его глаза. Они были темно-каріе, глубокіе, голова была покрыта темно-каштановыми, съ небольшою просѣдью, мягкими волосами. Впечатлѣніе, произведенное его глазами, было такъ же сильно при послѣдующихъ свиданіяхъ, какъ при первомъ. Хотя иногда они лихорадочно блестѣли, иногда казались потухшими, но въ томъ и другомъ случаѣ производили равно сильное впечатлѣніе. Это происходило еще и потому, что Ѳедоръ Михайловичъ, говоря, всегда смотрѣлъ пристально въ упоръ.

Не смотря на то, что онъ не всегда былъ ровень въ об-

рашеніи, хотя всегда искрененъ, быть съ нимъ было какъ-то особенно хорошо.

Часто, выйдя изъ своего рабочаго кабинета, онъ какъ будто не узнавалъ посѣтителя—еле кланялся, какъ-то метался, и, при первомъ словѣ, какъ-то нервно сжималъ свои худыя, безкровныя руки. Но это было не надолго,—послѣ этого онъ или уходилъ, ссылаясь на спѣшную работу, или, если уже оставался, то выслушивалъ разговоръ до конца съ чувствомъ полного, теплаго участія. На вопросы онъ отвѣчалъ всегда прямо, искренно.

Но заявившись моимъ личнымъ воспоминаніемъ, я невольно отдалилась отъ біографіи покойнаго.

Изъ того немногого, что намъ извѣстно о Ѳеодорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ, видно, что его родители были помѣщики, отецъ по профессіи докторъ. Первое свое воспитаніе Ѳеодоръ Михайловичъ получилъ въ Москвѣ въ пансіонѣ Чермакъ, затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ, нѣкоторое время приготовлялся у капитана Костомарова,—отъ него поступилъ въ главное инженерное училище, гдѣ и окончилъ курсъ.

О раннемъ дѣтствѣ его извѣстно немногое изъ его личныхъ воспоминаній въ „Дневникѣ Писателя“.

„Былъ второй день Свѣтлаго праздника“, рассказываетъ Ѳеодоръ Михайловичъ. Въ воздухѣ было тепло, небо голубое, солнце высокое, „теплое“, яркое, но въ душѣ моей было очень мрачно. Я скитался за казармами, смотрѣлъ, отсчитывая пали крѣпкаго острожнаго тына, но и считать мнѣ ихъ не хотѣлось, хотя было въ привычку. Другой уже день по острогу „шелъ праздникъ“. Воротясь въ казарму, я пробрался на свое мѣсто, противъ окна за рѣшеткой, и легъ навзничъ, закинувъ руки за голову и закрывъ глаза. Я любилъ такъ лежать, къ спящему не пристанутъ (въ острогѣ происходили ужасныя драки), а межъ тѣмъ можно лежать и думать.

Мало по малу я и впрямь забылся и непримѣтно погрузился въ воспоминанія. Во всѣ четыре года каторги, я вспоминалъ непрерывно все мое прошедшее и, кажется, въ вос-

поминаніяхъ пережилъ всю мою прежнюю жизнь снова. На этотъ разъ, мнѣ вдругъ припомнилось почему-то одно незамѣтное мгновеніе изъ моего перваго дѣтства, когда мнѣ было всего девять лѣтъ отъ роду, — мгновенье, казалось бы, мною совершенно забытое; но я особенно любилъ тогда воспоминанія изъ самаго перваго моего дѣтства.

Мнѣ припомнился августъ мѣсяцъ въ нашей деревнѣ, день сухой и ясный, но нѣсколько холодный и вѣтренный. Я прошелъ за гумна и, спустившись въ оврагъ, прошелъ до самой рощи. И вотъ я забился гуще въ кусты и слышу, какъ недалеко, шагахъ въ тридцати, на полянѣ, одиноко пашетъ крестьянинъ. Я знаю, что онъ пашетъ круто въ гору и лошадь идетъ трудно и до меня изрѣдка долетаютъ его крики: „ну-ну“! Вдругъ среди глубокой тишины, я отчетливо и ясно услышалъ крикъ: „волкъ бѣжить“! Я вскрикнулъ и внѣ себя отъ испуга, крича въ голосъ, выбѣжалъ на поляну, прямо на пахущаго крестьянина. Это былъ нашъ крестьянинъ Марей. Онъ даже остановилъ кобыленку, слышавъ крикъ мой, и когда я, разбѣжавшись, уцѣпился одной рукой за его соху, а другою за его рукавъ, то онъ разглядѣлъ мой испугъ.

— Волкъ бѣжить! прокричалъ я, задыхаясь.

— Онъ вскинулъ голову и невольно оглянулся кругомъ, на мгновенье почти мнѣ повѣривъ.

— Гдѣ волкъ?

— Закричалъ... Кто-то закричалъ сейчасъ: „волкъ бѣжить...“ пролепеталъ я.

— Что ты, что ты, какой волкъ, померещилось; вишь! Какому тутъ волку быть! бормоталъ онъ. Ишь, вѣдь испугался, ай-ай! качалъ онъ головой. — Полно, родной. Ишь, малецъ, ай! Онъ протянулъ руку и вдругъ погладилъ меня по щекѣ.

— Ну, полно же, ну, Христось съ тобой, окетись. Но я не крестился; углы губъ моихъ вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой тол-

стый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный палецъ и тихонько дотронулся до вспрыгивавшихъ моихъ губъ.

— Ишь, вѣдь, ай, улыбнулся онъ мнѣ какою-то материнскою длинною улыбкой, Господи, да что это? ишь, вѣдь, ай, ай!

Я понялъ, наконецъ, что волка нѣтъ и что мнѣ крикъ: „волкъ бѣжитъ“ померещился.

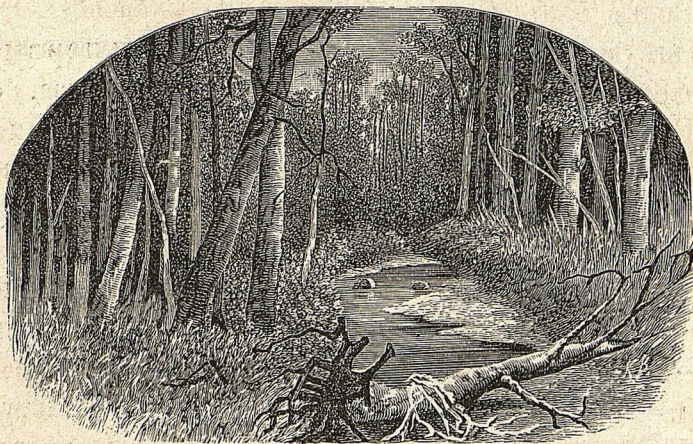
Крикъ былъ, впрочемъ, такой ясный и отчетливый, но такіе крики (не объ однихъ волкахъ) мнѣ уже разъ или два и прежде мерещились и я зналъ про то. (Потомъ, съ дѣтствомъ, эти галлюцинаціи прошли).

— Ну, я пойду, сказалъ я, вопросительно и робко смотря на него.

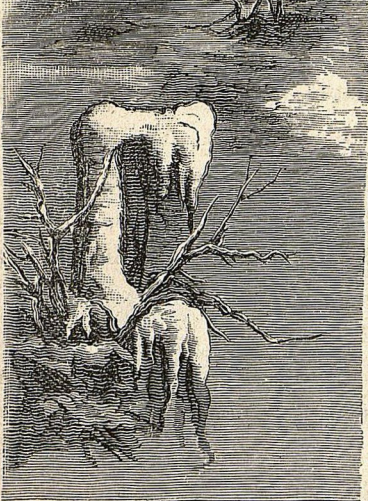
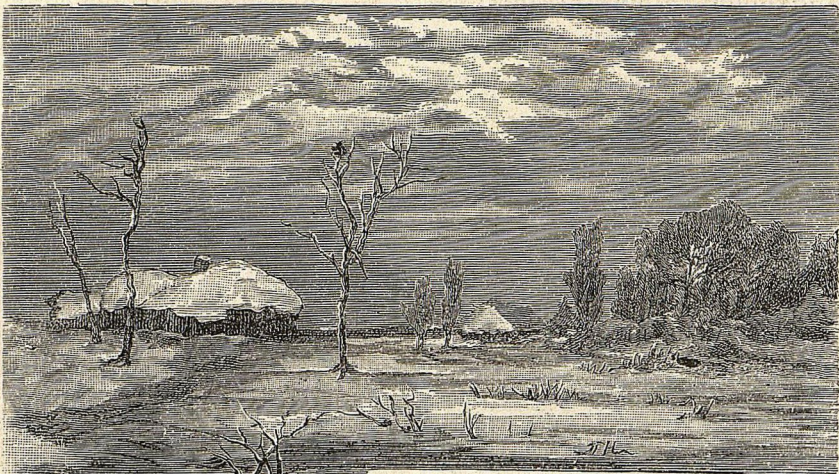
— Ну, и ступай, а я-же восплѣдъ посмотрю, ужъ я тебя волку не дамъ! прибавилъ онъ, все также матерински мнѣ улыбаясь,—ну, Христось съ тобой, ну, ступай, и онъ перекрестилъ меня рукой и самъ перекрестился. Я пошелъ, оглядываясь назадъ почти каждые десять шаговъ.

А. Толивѣрова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЛОРОССІЯ.

СТРАНА, гдѣ возникли первые элементы нашего отечества, откуда разлитъ въ немъ свѣтъ христіанства, гдѣ возникла и развилась наша дѣльная система, эта страна — Малороссія.

Малороссіяне остановили набѣги первыхъ татарскихъ ордъ и воспѣли битвы съ кочевыми половцами.

Безъ опредѣленныхъ предѣловъ, безъ неприступныхъ горъ, были страшны для своихъ враговъ, развили свою національность и удержали ее въ пять вѣковъ насилія татарскаго, литовскаго и польскаго. Когда пепелили ихъ города,

мучили за преданность православной религіи, они были не разъ грозою своимъ притѣснителямъ и среди пытокъ заводи́ли училища для образованія юношества. Греческая религія впервые принята—Малороссіей. Воспоминаніе о пѣсняхъ баяновъ и теперь навѣваетъ мечтой и переносить въ минувшее,—баяны были поэты Малороссіи. Малороссіяне бились съ половцами и печенѣгами и перенесли на сѣверъ Россіи всѣ зачатки государства.

Почва земли Малороссіи черноземна, пажити обширны, воздухъ благоаравторенный. Чистое, свѣтлое небо, цвѣтущія поля, дуга просвѣтляютъ характеръ жителей и предрасполагаютъ къ жизни общественной болѣе, нежели природа странъ сѣверныхъ и палящаго юга.

Подъ властію Польши, Малороссія испила до конца всѣ бѣдствія; дворянство не пользовалось польскими вольностями; крестьяне были стѣснены и истощены работами. Все было оскорблено, угнетено и для малороссіянина не оставалось ни наслажденія, ни безопасности въ домѣ, ни правъ въ государствѣ, оставалось одно прибѣжище — быть казацкій, быть полный дикой поэзіи, и чѣмъ тягостнѣе становилась власть Польши, тѣмъ быстрѣе переходила Малороссія изъ быта гражданскаго въ быть казацкій. „Воинства же казакаго“, говоритъ лѣтописецъ, „никто изчести не можетъ, и сколько на Украинѣ и Малороссіи людей, столько и казаковъ“.

Тяжелъ былъ полякамъ мечъ казацкій!

Когда Малороссія отдыхала временно, поляки обѣщали ей льготы, обѣщали всѣ права своего отечества, и снова начинались угнетенія—и снова битвы.

Притѣсненія Польшей православія сблизили южную Россію съ сѣверной—родственную ей по религіи.

Замученные малороссіяне—одни бѣжали къ своимъ землякамъ, въ страну Приднѣпровскую — къ переселившимся туда ихъ соотечественникамъ еще во времена владычества татаръ, которые тамъ, скрывшись среди неприступныхъ

скаль, огражденные глубиной и быстриной рѣки, порогами и лабиринтомъ острововъ, образовали общину запорожцевъ, подвластную одному атаману, и громили своихъ враговъ на сушѣ и на моряхъ.

Другая половина малороссіянъ въ первой половинѣ XVII столѣтія пореселилась на берега Ворсклы, Сулы, Харькова. Донца и образовала русскую Украину.

Они нашли тамъ природу роскошную. Лѣса и степи были полны птицъ и звѣрей: рѣки кишѣли рыбою, въ озерахъ онѣ часто задыхались отъ чрезмѣрнаго размноженія.

Здѣсь было привольно жить первымъ выходцамъ, но они были вблизи польскихъ владѣній и на перепутьи татаръ.

Чувствуя эти невзгоды, казаки при началѣ своего переселенія стали искать подданства Россіи, съ условіемъ безпрепятственнаго пользованія хозяйственными заведеніями и промыслами, и за это охранять ея границы отъ набѣговъ татаръ.

Не прошло еще ста лѣтъ съ того времени, какъ орда крымскихъ татаръ врывалась въ едва родившуюся Украину со всеми ужасами опустошенія. Страна, гдѣ теперь университетъ и десятки учебныхъ заведеній, гдѣ наготовѣ стоитъ цѣлый корпусъ войска—была границей Россіи, и не по одному только имени была Украиной. За этой Украиной тянулись пустынные степи...

Отъ безпрестанныхъ набѣговъ татаръ, украинцы жили точно въ военномъ станѣ; даже земледѣльцы ходили за плугомъ вооруженными. Чтобы укрѣпить свои слободы, они сдѣлали вокругъ нихъ насыпи, инныя обвели стѣнами, и составили изъ себя постоянное войско.

Первые изъ этихъ укрѣпленныхъ слободъ были Харьковъ, Ахтырка и Сумы; къ нимъ причислены остальные села, мѣстечки и деревни. По этимъ тремъ открывшимся городамъ названы три слободскіе полка: харьковскій, ахтырскій, сумскій.

Такъ возникли первые города Украины съ ихъ военнымъ устройствомъ.

Всѣ жители Украины раздѣлились на полки.

Главой каждого полка избирался полковникъ.

Власть полковника была такъ велика, что онъ жаловалъ землями и могъ наказывать преступниковъ смертию. Каждый полкъ дѣлился на сотни.

Сотнями распоряжались сотники.

Таково было военное устройство Украины. Оно возникло изъ самыхъ обстоятельствъ и носило на себѣ отпечатокъ простоты и бурной военной жизни.

До слободскихъ поселенцевъ не доходило угнетеніе поляковъ, ихъ не касалось насиліе начальниковъ, потому что и земледѣлецъ и полковникъ равно были необходимы другъ для друга: опасность, защита, довольство были для нихъ общими. И простой казакъ и полковые чиновники почти ничѣмъ не различались. Кто былъ сегодня казакомъ, тотъ завтра могъ сдѣлаться эсауломъ и даже сотникомъ. Сегодня онъ пахалъ землю, а завтра распоряжался войскомъ, и для него были готовы сотни земледѣльческихъ рукъ. Все зависѣло отъ личныхъ достоинствъ, обстоятельствъ и службы.

Богатство страны доставляло всѣ средства обезпеченія.

Различные промыслы, торговля, винокуреніе—все отправлялось свободно, безпошлинно. А полки по волѣ занимали южныя пустыя степи, распространяли на нихъ скотоводство, пахали, косили и безпрепятственно употребляли земли подъ хозяйственныя заведенія.

При Екатеринѣ II слободскіе полки переименованы въ гусарскіе.

Съ этого времени вся Украина совершенно присоединилась къ Россіи, сохраняя свой языкъ и свою національную фیزیономію.

Какія мечты пробуждаетъ Украина! Какъ сильно сочувствуетъ душа ея бурной, измѣнчивой судьбѣ, ея безмолвнымъ курганамъ, ея неразгаданнымъ изваяніямъ и ея раздолью природы.

Кто не задумается, бродя по этимъ безбрежнымъ для взора

степямъ, зная, что онѣ были нѣкогда дномъ обширнаго моря; что здѣсь беззаботно покоились морскія чудовища, а тамъ въ высотѣ, гдѣ вьется теперь жаворонокъ, сыпля на землю звонкія пѣсни, тамъ завывала буря, вздымала волны и погибавшіе пловцы страшились упасть на эти роскошныя равнины.

Это море захватывало равнины и степи, съ разбросанными теперь деревнями, которыя тонуть въ вишневыхъ садахъ.

Море это извергало на берегъ нашего отечества набѣги половецкіе.

Половцы врывались въ наши предѣлы, пепелили города и селенья, уничтожали лѣса, брали плѣнныхъ, но завоевать Россіи не могли: это было противно элементу ихъ кочевой жизни.

Когда исчезло племя половцевъ, украинскія степи заустѣли, только половецкіе кумиры *), покинутые своими поклонниками, стояли одинокіе, забытые; ихъ заносило снѣгомъ, они заростали травой, вмѣстѣ съ курганами, крымцы дѣлали набѣги черезъ обезлюдившія равнины; орелъ, въ высотѣ, сливая кругъ за кругомъ, ширился надъ стадомъ дроздовъ или гусей; да пустынный вѣтеръ шумѣлъ и волновалъ песчаное море.

Украина заустѣла!

Кто же первый рѣшился основать здѣсь постоянное жилище? Что привело въ пустынную, дальнюю страну, беззащитную отъ набѣговъ крымцевъ и ногайцевъ?

Привели—угнетенія.

Украина до сихъ поръ удержала характеристику своего происхожденія.

И теперь въ Украинѣ существуетъ отдѣлъ въ семьяхъ, и теперь языкъ сохранилъ свою національность, даже вліяніе чужеземнаго Запада. Слова: крейда, шмакъ,

---

*) Кумиры половецкіе теперь стоятъ по степямъ и курганамъ въ Украинѣ колоссальныя, грубо высѣченныя изъ камня. Въ Украинѣ ихъ называютъ „бабами“. Въ 1830 годахъ Вадимъ Пассеетъ доставилъ въ московскій музей двѣ каменные бабы изъ Харьковской губерніи.

шляхъ, шмальць и проч. отзываются вліяніемъ Польши и Германіи.

Въ пляскѣ кадансъ и выкрутасы подходятъ къ польскому краковяку. Гопакъ, мятелица, журавель—танцы малороссійскіе. Казачекъ—пляска собственно украинцевъ. Пѣсни разнообразны и дышатъ простосердечіемъ. Въ иныхъ сохранились воспоминанія историческія. Многія думы еще не забыты и исполнены мысли и чувства. Думы и пѣсни — это поэтическія лѣтописи. Въ Малороссіи не было лица, ознаменовавшаго чѣмъ-нибудь свою жизнь, которое не почтили бы думою или пѣснію, и могло ли быть иначе? Въ каждомъ событіи участвовалъ послѣдній казакъ, послѣдній крестьянинъ; отъ этого-то и теперь не забыты имена: Палія, Дорошенки, Свирговскаго, Серпяги, Хмѣльницкаго и др., отъ того-то и теперь простыя пѣсни и сказки доставляютъ пищу разгульнымъ бандуристамъ и бѣднымъ старикамъ.

Характеръ Малороссіи и вліяніе природы отпечатлѣваются въ самой постройкѣ домовъ: хата почти всегда сдѣлана изъ нѣсколькихъ бревенъ, кольевъ, даже прутьевъ не ровно сложенныхъ, крѣпко и гладко замазанныхъ глиною, выбѣленныхъ мѣломъ. Издали деревня похожа на рядъ палатокъ, разбросанныхъ между фруктовыхъ садиловъ. Хатки эти малы, въ нихъ живутъ только мужъ съ женою, да неженатые и незамужнія еще дѣти. Дворъ огороженъ плетнемъ, покровъ его небо; для каждой хозяйственной потребности отдѣльная постройка.

Хатки легко перевозятся, лѣплятся снова, замазываются глиной и бѣлятся мѣломъ. Дѣло другое, если разлучаются съ родными, или украинецъ сочтетъ себя обиженнымъ, стѣсненнымъ, тогда онъ—утечетъ на Донъ или въ степи. Онъ безъ затрудненія покидаетъ свою хату, къ которой не привязаны ни большей семьей, ни хозяйствомъ.

Безпечно думаетъ малороссіянинъ о полевой работѣ: ему не надобно возить на поля удобренія, не надобно управлять сохою. Онъ запрягаетъ въ плугъ воловъ, и они, привыкнувши

къ дѣлу, вѣрно ходять взадъ и впередъ, и плугъ самъ, безъ управленія, рѣжетъ борозду за бороздою, и тучная земля разверзаетъ свое лоно. Крестьянинъ идетъ только возлѣ плуга, да какой-нибудь мальчикъ погоняетъ переднихъ воловъ, и за малый трудъ получается богатый урожай.

Иногда, возвратясь съ работы, неустоленный, идетъ съ своею жинкою и дочкою ловить бреднемъ раковъ. Вотъ они подошли къ рѣкѣ, женщины отправляются въ воду, бродятъ тамъ часто по грудь, а чилевикъ *) сидитъ на берегу, выбравши получше мѣсто, курить люльку и, скрививши свою казацкую смушковую шапку, поглядываетъ на всѣ стороны, любитъся ловомъ и спокойно идетъ домой; за то жинка не знаетъ какъ покупать наряды: ея чилевикъ привозитъ ей и запаску, и плахту, и очипокъ, и даже чоботы на высокихъ подборахъ.

Заглянемте въ хату украинца.

Вотъ она: бѣдная, безъ крытаго двора. Но какъ она чиста и бѣла! какъ убрана и вымазана ея заваленка! какъ вымыты слѣпленные окна. У воротъ лежитъ груда хвороста и щепокъ: это украинскіе дрова; плетень обросъ крапивою и шиповникомъ.

На встрѣчу хозяину идетъ дворовая собака, высокая, поджарая, съ широкой головою и продолговатой мордою: это порода собакъ крымскихъ; она напоминаетъ набѣги, времена военной смуты. Вы подымаетесь на крыльцо... надъ вами висятъ длинныя вязанки яблоковъ, пачки табаку—важнаго условія для малороссіянина—и капустные листья, на которыхъ пекутъ хлѣбы. Въ хатѣ нѣтъ полатей, никогда она не бываетъ курною, земляной полъ ея, вымазанный глиной, чистъ, выметенъ, пересыпанъ пескомъ, пища хозяевъ бѣдна, но борщъ ихъ вкусенъ, хлѣбъ бѣлъ, все чисто и опрятно. Разговоры ихъ вертятся около предметовъ, близкихъ съ крестьянскимъ бытомъ: то вдаются въ воспоминанія о пережитыхъ бѣдахъ, то переходятъ къ знахарству какой-

*) Мужъ, чилевикъ.

нибудь старухи или къ надеждамъ на борщъ съ хорошей свининой, на вареники и галушки со сметаной или къ сладкой мечтѣ прогулять въ первый праздникъ послѣдніе гроши, которые еще надѣется получить за мѣшокъ пшена или гречи. Временемъ вспоминаютъ о предстоящей работѣ; но мысль, что имъ достане *) хлеба до новаго, утѣшаетъ ихъ безпечность. Временемъ полупьяный чиливикъ бранить свою жинку, а жинка сидитъ отвернувшись къ окну, поколачиваетъ коваными чоботами и грозитъ ему худыми пальницами и борщомъ безъ сала, или сердится и бранить своихъ ребятъ бисовыми дѣтьми.

Но есть время, когда живая душа малороссіянина разгрызается въ веселыхъ пѣсняхъ какого-нибудь парубка, или заслушивается сказокъ и думъ какого-нибудь старика о дѣлахъ минувшихъ, временахъ казацкихъ, когда жили Палій и Дорошенко, Хмѣльницкій и Сагайдачный, когда татарская орда впала въ изюмскій полкъ и много шкоды сробила, щобъ ей, поганой, борщу у глаза не видати.

Иногда собирается толпа вѣчно кочующихъ чумаковъ. Порагулявшись, они садятся около огня, разложеннаго среди разбросанныхъ телѣгъ и рассыпавшихся воловъ, и напѣваютъ свои дико-унылыя пѣсни; временемъ звучитъ торбанъ, сипло напѣваетъ скрипка, и подъ эту музыку и пѣсни слышенъ топотъ гопага или живая мятелица. Это время народной поэзіи.

Но ничто не можетъ быть прелестнѣе весны въ Малороссіи. Едва станетъ таять снѣгъ, изъ подъ него ужъ лѣзутъ головки пролѣсковъ и распускаются голубыми цвѣточками. Какъ только снѣгъ сбѣжалъ, яркая зелень покрываетъ землю и тутъ-же заливаютъ ее пунцовые цвѣты воронца, — зацвѣтаютъ дикіе персики, яблони, вишни, груши осыпаются бѣлыми цвѣтами съ розовымъ отливомъ, и только кой-гдѣ зеленѣютъ между ними мелкіе листочки. Нѣжный запахъ цвѣтущихъ деревьевъ сливается съ рѣзкимъ запахомъ чабреца, полыни и съ ароматомъ весеннихъ растеній степей.

*) Хлѣба.

Сады стоятъ пушистые отъ молоденькихъ цвѣточковъ, изъ-за которыхъ, точно сквозь частую, свѣтло-зеленую сѣтку, виднѣются гибкія вѣтви. Воздухъ полонъ свиста, чириканья, воркованья. Соловьи не даютъ ночью спать. И все это подъ глубокимъ яхонтовымъ небомъ Богъ знаетъ до чего хорошо!..

А лѣто!—въ полуденный зной точно все замерло, листь не шелохнется, трава вся въ цвѣтахъ по поясъ. Надъ ней мелькаетъ, сыплется міръ насѣкомыхъ, съ высоты льется пѣснь жаворонка, изъ подъ ногъ у васъ выпорхнула луговка — у нее тутъ гнѣздо, она хочетъ отвлечь васъ отъ него, она отдаляется съ жалобнымъ крикомъ, перевертываясь въ воздухѣ. Среди моря пшеницы и проса чернѣетъ широкій пляхъ *). Въ сторонѣ стелятся плетни арбузовъ, дынь, огурцевъ, тыквъ—это бахча. Изъ-за золотистыхъ подсолнечниковъ и мохнатой кукурузы виднѣется курень дѣда **)—сторожа. Дѣдъ живетъ на бахчѣ въ куренѣ одинъ одиноконекъ съ собакой, самъ себѣ варить въ котелкѣ кашу съ саломъ, галушки и имѣетъ право на зеленые огурцы, лучший арбузъ и любую дыню.

А тутъ праздникъ Ивана Купалы, сѣнокосъ, вездѣ пѣсни. Народная пѣсня понятна и близка сердцу каждого человѣка.

Въ осенніе вечера—пойдутъ свадьбы, вечерницы. Дѣвчата съ гребнями и веретенами соберутся въ одну хату. Хозяйка дома стряпаетъ имъ ужинъ. Нагрянутъ парубки съ пѣснями, съ музыкой, — пойдетъ говоръ, смѣхъ, сказки, танцы. Вихремъ несется мятелица, тѣсно въ хатѣ — во дворѣ. Мелко, дробно выбиваютъ ногами дѣвчата казачка, бойко стучать каблуками парубки гопака и трепака, вырабатываютъ присядку и выкидываютъ ногами на воздухъ разные штуки. Въ печи пылаетъ солома; кипитъ борщъ и галушки, и пахнетъ въ хатѣ горячими палинищами. А на улицѣ свиститъ вѣтеръ, сыплется снѣгъ и мететъ мятелица, такъ что и свѣта не видно.

Т. Лассекъ.

Изъ дальнихъ лѣтъ.

*) Проѣзжая дорога.

**) Дѣда.

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(1814—1828).

Дѣтство.—Жизнь на родинѣ.

Мы не лукавили зъ тобою,
Мы просто йшли; у насъ нема
Зерка неправды за собою.

„Доля.“ Т. Шевченко.

БЫЛЪ роскошный лѣтній день. Солнце, приближаясь къ закату, какъ бы остановилось на пути своемъ и спокойными лучами освѣщало село Кириловку, бѣлыя хатки котораго тонули въ зелени душистыхъ тополей и вишневыхъ садовъ.

По небольшому двору одной изъ хатокъ, чисто выбѣленной, съ соломенной кровлей, бѣгаль полненькій, бѣлокурый мальчикъ лѣтъ шести, босоногій, въ худенькой рубашонкѣ. Около хатки растетъ яблоня, съ краснобокими яблоками, вокругъ яблони цвѣтникъ съ синими и золотистыми цвѣтами. У воротъ стоитъ старая, развѣсистая верба, за вербою видна клуня, окруженная скирдами пшеницы, жита и другаго хлѣба; за клунею, по кособору идетъ садъ, огородъ, а за ними ливада; по ливадѣ струится тихій, едва журчащій ручеекъ, надъ нимъ, мѣстами, склонились вербы, мѣстами кусты калины, перепутанные съ полевыми цвѣтами и широколистыми, темно-зелеными лопухами. Набѣгавшись и напрыгавшись во дворѣ и по улицѣ, бѣлокурый мальчикъ пробрался въ садъ, изъ сада на ливаду, изъ ливады выбѣжалъ на степь. На степи онъ вдругъ остановился какъ бы пораженный глубокой си-

невой неба, охватившей цвѣтущую степь съ таинственными курганами и солнцемъ, медленно скрывавшимся за отдаленными возвышенностями, слившимися съ окраинами неба. Мальчикъ смотритъ, смотритъ и спрашиваетъ самъ себя—„а что тамъ за горами?—Тамъ должны быть желѣзные столбы, что поддерживаютъ небо. А что если бы пойти да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ?—пойду да посмотрю, вѣдь это не далеко. И не раздумывая долго, ребенокъ отправился прямо къ отдаленному кургану осмотрѣть, что дѣлается тамъ гдѣ конецъ неба сошелся съ землей. Пройдя съ полверсты, онъ вкарабкался на курганъ, который вблизи оказался гораздо выше, нежели издалика. Стоитъ онъ на курганѣ и смотритъ во всѣ стороны,—на одной сторонѣ село, на другой сторонѣ село, тамъ выглядываетъ церковь крытая бѣлымъ желѣзомъ, и тамъ то же выглядываетъ церковь,—гдѣ же желѣзные столбы думаетъ мальчикъ, — сегодня поздно, не дойти до нихъ, а завтра, вмѣстѣ съ Катрей какъ она до череды коровъ погонитъ, пойду и я къ желѣзнымъ столбамъ, сегодня же одурю*) брата Никиту, скажу что видѣлъ желѣзные столбы.

Остановившись на такомъ рѣшеніи—онъ кубаремъ скатился съ кургана, сталъ на ноги, и неоглядываясь, пошелъ прямо въ чужое село по широкому шляху. Вечерняя заря догорала—по шляху ѣхали чумаки, увидя въ степи одинокаго ребенка, чумаки остановились и спросили: а куда мандруешь **) парубокъ? — до дому!—а дежъ твоя хата!—Въ Кереліевкѣ!—такъ чего жъ идешь у Морницъ?—я иду въ Кереліевку!—а коли въ Кереліевку, такъ сѣдай на мою мажу ***), товарищъ, мы доведемъ тебя до дома. Чумаки посадили его на передкѣ воза, дали ему въ руки батоги, и онъ погоняетъ себѣ воловъ какъ ни въ чемъ не бывало. Подѣзжая къ селу, онъ закричалъ „отъ гдѣ наша хата“! А коли бачишь свою хату, то и ступай себѣ съ Богомъ, сказали чумаки, и спустили его

*) Обману.

**) Идешь.

***) Телѣгу.

на землю, проговоривши — нехай иде себѣ съ Богомъ! Мальчикъ побѣжалъ въ село. На дворѣ смеркалось, на небѣ засвѣтились звѣзды. Онъ подошелъ къ перелазу въ ивовомъ плетнѣ, мѣстами поросшимъ шиповникомъ, и увидалъ, что все семейство сидитъ въ кружокъ на лужкѣ около хаты и вечеряетъ, а старшая сестра его Катря и Ирина стоятъ у порога хаты и посматриваютъ на перелазъ. Когда ребенокъ высунулъ сквозь плетень бѣлокурую головку, Катря подбѣжала къ нему, взяла его на руки и посадила въ кружокъ, говоря: садись ужинать, шатунъ! Послѣ ужина сестра уложила его въ постель, перекрестила, поцѣловала и назвала опять шатуномъ. Мальчикъ долго еще не спалъ, думалъ о желѣзныхъ столбахъ и рѣшилъ никому не говорить ни слова, а съ утра идти ихъ отыскивать. Съ этими думами онъ и заснулъ. Утромъ мальчикъ поднялся вмѣстѣ съ солнцемъ, и вмѣстѣ съ чередою отправился въ степь, — но и въ этотъ день пробѣгавши до полуденнаго жара, не удалось ему увидеть ни желѣзныхъ столбовъ, ни найти конца свѣта. Утомившись путешествіемъ и зноемъ южнаго лѣта, ребенокъ выкупался въ ручейкѣ, повалился подъ тѣнистое дерево и заснулъ глубокимъ сномъ дѣтскихъ лѣтъ.

Мальчикъ этотъ былъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, впоследствии знаменитый поэтъ Украины.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился 1814 года 25 февраля, въ Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, въ селѣ Морницахъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщика Ангельгардта. Спустя полгода по рожденіи Тараса, семья Шевченко была переселена изъ Морницъ, родины его матери, въ сосѣднее село Кирилівку (Жереліевку по малорусски) родину его отца. Въ этомъ селѣ Тарасъ росъ и съ нимъ связаны всѣ воспоминанія его дѣтства.

Незамѣтно проходили первые годы жизни будущаго поэта. Любимый неглупымъ, грамотнымъ отцемъ и доброй матерью онъ росъ, какъ и всѣ крестьянскія дѣти, на полной свободѣ, безъ надзора и особенныхъ попеченій. Это могло бы дурно

отозваться на ребенкѣ, но Шевченко выходилъ изъ ряда дѣтей обыкновенныхъ. Полная воля бродить гдѣ вздумается, и дѣлать что захочется, самому своимъ умомъ вдумываться въ жизнь обыденную и въ природу, вліяли благотворно на Тараса. Они развили въ немъ самобытность и рано пробудили даровитую, богатую натуру.

Съ ранняго дѣтства онъ относился къ природѣ сочувственно и вдумывался въ видимые предметы. По нѣсколькимъ часамъ сиживалъ онъ у ручья и наблюдалъ его теченіе, бродя по лѣсу изучалъ нравы птицъ и насѣкомыхъ. Особенное наслажденіе доставлялъ ему широкій Днѣпръ. Въ юношескомъ возрастѣ, на берегу Днѣпра, онъ искалъ успокоенія отъ внутренней тревоги и житейскихъ невзгодъ.

Полненькій, бѣлокурый мальчикъ въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлался плотнымъ, средняго роста, человѣкомъ крѣпкаго здоровья. Лицо его было обыкновенное, но выразительные глаза свѣтились умомъ и сознаніемъ своего достоинства. Въ голосѣ была мягкость, въ походкѣ сосредоточенность. Одѣвался онъ чисто, но просто, дома любилъ носить народный украинскій костюмъ. Въ обращеніи былъ простъ; но при первомъ знакомствѣ холоденъ и остороженъ. Когда же узнавалъ человѣка и открывалъ въ немъ хорошую черту, то привязывался, если же встрѣчалъ къ себѣ расположеніе, — отдавался на всю жизнь.

Отличительными чертами его характера были чрезвычайная доброта, нѣжность, несмотря на суровую наружность, безкорыстіе и правдивость.

Съ лиры его безпрестанно срывались грустные звуки и защита слабыхъ и угнетенныхъ. Онъ относился сочувственно не только что къ страданію людей, но и къ животнымъ, готовность его помогать въ нуждѣ или бѣдѣ доходила до христіанской добродѣтели. Въ слѣдствіи своего безкорыстія онъ, при самой скромной жизни, почти всегда нуждался.

Къ дѣтямъ вообще онъ относился съ самой горячей любовью, особенно же любилъ дѣтей крестьянскихъ. Посѣщая

Mr. Webb

деревни, гдѣ дѣти цѣлые дни проводятъ на улицѣ, онъ сажился съ ними въ кружокъ, пѣлъ вмѣстѣ пѣсни, рассказывалъ сказки, дѣлалъ пищалки и разныя забавныя игрушки. Дѣти любили его.

Когда Тарасу Григорьевичу минуло семь лѣтъ, мать его умерла. У Шевченко отца осталось пять человѣкъ дѣтей. Въ крестьянскомъ быту съ такимъ семействомъ вдовцу жить трудно, необходима женщина для хозяйства и присмотра за дѣтьми, и отецъ Шевченко скоро женился. Замѣнить ли мачиха родную мать?

У мачихи были также дѣти отъ перваго брака. Маленькіе Шевченки терпѣли отъ нихъ много горя, — больше всѣхъ доставалось Тарасу. Онъ былъ вспыльчивъ, неуступчивъ, дѣтей мачихи не любилъ и постоянно съ ними ссорился и дрался. Дня не проходило безъ брани и слезъ, не только между дѣтьми, но и между отцемъ и мачихой. У Тараса ссоры вскорѣ превратились въ ненависть по особенному случаю: одинъ изъ сведеныхъ братьевъ укралъ у квартировавшаго у нихъ солдата три пяти-алтынныхъ. Мачиха обвинила въ этомъ Тараса. Тарасъ божился въ своей невинности, мачиха стояла на своемъ „гроши укравъ Тарасъ“, Тарасъ отпѣкивался, ему связали руки и ноги чтобы заставить признаться и жестоко высѣкли розгами. Отъ боли мальчикъ принялъ на себя вину, но когда его развязали и спросили куда онъ дѣвалъ деньги, то не могъ указать мѣста гдѣ ихъ спряталъ, и снова увѣрялъ, что не бралъ этихъ денегъ, — пытка повторилась. Ничего не добившись мачиха бросила бѣднаго пасынка за-мертво.

Спустя нѣсколько времени настоящій воръ открылся.

Чтобы избавиться отъ домашнихъ ссоръ и непріятностей, отецъ отдалъ Тараса въ ученіе къ мѣщанину Губскому, Тарасъ скоро выучился читать, но его рѣзвость и шалости до того выводили Губскаго изъ терпѣнія, что онъ жаловался на него отцу, къ которому ребенокъ убѣгалъ отъ своего учителя. Отецъ также напрасно старался унять его...

Спустя два года по смерти первой жены, умеръ и отецъ Шевченко. Умирая онъ сказалъ пророчески: „сыну моему Тарасу ничего не надобно изъ моего хозяйства, изъ него выйдетъ что нибудь или очень хорошее, или ужасная дрянь, стало быть для него и наслѣдство мое впослѣдствіи или ничего не будетъ значить или ничего не поможетъ“.

Тарасъ остался круглымъ сиротою. По смерти отца его отдали въ школу къ сельскому дьячку Бугорскому, гдѣ онъ вытвердилъ наизусть псалтырь и часословъ. Потомъ перешелъ онъ къ священнику Пестеровскому, у котораго выучился писать. Затѣмъ его снова возвратили въ школу. Шевченко кромѣ ученія исправлялъ у дьячка разныя домашнія работы и даже прихоти хозяина и его домашнихъ, но не могъ переносить непомѣрной строгости и жестокаго преслѣдованія за то, что онъ все, что ему бросалось въ глаза, рисовалъ то углемъ на стѣнѣ, то на заборѣ, на двери, то на бумагѣ карандашемъ, который купилъ за пятакъ украденный имъ у дьячка для этой цѣли.

Боясь наказаній, онъ убѣгалъ изъ школы и скитался по пустырямъ, или съ карандашемъ и книгой скрывался въ сосѣднемъ саду крестьянина; тамъ устроилъ себѣ родъ шалаша въ кустарникахъ калины, расчистилъ площадку, усыпалъ ее пескомъ, сложилъ изъ дерна родъ постели и уединялся туда на нѣсколько дней отъ школьной и дьячковой муки—читалъ, рисовалъ, а сестры, съ которыми онъ былъ очень друженъ, снабжали его съѣстными припасами. Рисуя онъ точно чувствовалъ, что въ этомъ искусствѣ его спасеніе.

Вдали отъ шума и ссоръ, вдали отъ часто пьянаго дьячка, подъ навѣсомъ цвѣтущей калины, отрокъ Шевченко впервые почувствовалъ пробужденіе творчества не только къ живописи, но и къ поэзіи, какъ это можно видѣть изъ его слѣдующихъ стиховъ.

Давно те діялось. Ще въ школі
Таки въ учителя—дяка

Давно то было. Еще въ школѣ.
Когда училъ меня дьячекъ,

Гарненько вкраду пятака
 (Бо я було трохи не голе—
 Таке убоге) то и куплю
 Паперу аркушъ: изроблю
 Маленьку книжечку—хрестами
 И везерунками зъ квитками
 Кругомъ листочки обведу
 Та и списую Сквороду
 Або три цари со-дари
 Та самъ себѣ у бур'яні,
 Щобъ не почувъ хто, не побачивъ,
 Виспіваю одинъ та плачу

Украду ловко пятачекъ,
 (Тогда я былъ чуть чуть не голый,
 Такой убогій) да и куплю
 Листокъ бумаги: и сдѣлаю
 Тетрадочку, крестами
 И узорами съ цвѣтками
 Кругомъ тетрадку обведу
 И списываю Сквороду
 Иль трехъ царей съ дарами,
 То спрятавшися въ бур'яну,
 Чтобы никто меня не видѣлъ,
 Чтобы никто не услыхалъ
 Пою одинъ и плачу.

Съ пробужденіемъ поэтического чувства въ Шевченко родилось желаніе освободиться отъ окружавшихъ его людей, въ началѣ оно выразилось ребячески—онъ отростилъ себѣ волосы, остригъ ихъ въ кружекъ и спилъ шапку конфедератку, этимъ обратилъ на себя общее вниманіе.

Затѣмъ желаніе избавиться отъ шума и ссоръ школы, отъ нетрезваго дьячка и страсть къ рисованью сдѣлались такъ непреодолимы, что онъ бѣжалъ въ селенію Хлѣбновку, славившуюся малярами, тамъ у одного изъ нихъ онъ поселился и прожилъ недѣли двѣ на испытаніи. Хлѣбновскій маляръ нашель его способнымъ къ своему мастерству, но побоялся отвѣтственности за то, что держитъ безъ вида помѣщичьяго мальчика, посоветовалъ Шевченко выхлопотать необходимое свидѣтельство отъ помѣщика и затѣмъ уже поселиться у него на ученіе.

Тарасъ Григорьевичъ отправился къ управляющему Энгельгадта и сталъ просить вида на прожитіе — у маляра Хлѣбновскаго, а въ случаѣ если вида не получить, то рѣшился сдѣлаться пастухомъ. Управляющій, разговорившись съ мальчикомъ, замѣтилъ въ немъ умъ и расторопность и взялъ его во дворъ; когда же пріѣхалъ помѣщикъ, то представилъ его барину въ комнатные казачки. Хотя положеніе комнатнаго казачка не лучше положенія пастуха, но оно приблизивши мальчика къ господамъ доставило ему болѣе возможности образоваться.

1829—1838.

Комнатный казачекъ. — Петербургъ. — Освобожденіе.

Будущаго поэта одѣли въ сѣрую тиковую курточку и шаровары и посадили въ передней, гдѣ по звуку колокольчика или по хлопанью въ ладоши барина, означавшему приказаніе явиться, онъ долженъ былъ войти, подать трубку, стаканъ воды, платокъ или исполнить какое нибудь иное приказаніе.

Сидя въ передней, Тарасъ срисовывалъ картины, висѣвшія по стѣнамъ въ комнатахъ, или вспоминалъ рассказы своего столѣтняго дѣда, то о возстаніи казаковъ противъ поляковъ, то о гайдамакахъ, которые въ послѣдствіи передалъ въ своихъ поэмахъ.

Когда Энгельгардтъ ѣздилъ въ Кіевъ, Вильну, въ Петербургъ—то всегда бралъ съ собой Тараса. Имъ часто приходилось останавливаться на постоялыхъ дворахъ, гдѣ Тарасъ, видя на стѣнахъ лубочныя картинки, не могъ утерпѣть, чтобы не срывать нѣкоторыя изъ нихъ и не взять съ собою для списыванья. Такимъ образомъ у него составилось довольно многочисленное собраніе лубочныхъ картинъ.

Однажды, когда семейство Энгельгардта находилось въ Вильнѣ, они поѣхали на балъ. Вскорѣ въ домѣ все затихло. Тогда Тарасъ забрался въ пустую комнату, зажегъ свѣчу, развернулъ свои сокровища и принялся рисовать. Время шло быстро, увлеченный работой онъ и не замѣтилъ какъ въ комнату вошелъ баринъ, возвратившійся съ бала. Увидя Тараса со свѣчей стоявшей среди бумагъ, которыя легко могли загорѣться, при малѣйшей неосторожности,—онъ схватилъ его за уши и избилъ жестоко, а на другой день велѣлъ высѣчь розгами.

Въ Варшавѣ Энгельгардтъ, замѣтивши въ Тарасѣ большую склонность къ живописи, отдалъ его въ ученіе къ комнатному живописцу, чтобы имѣть своего маляра для украшенія стѣнъ и потолковъ въ своемъ домѣ.

Хозяинъ Тараса, увидавши въ мальчикѣ необыкновенныя

способности, посовѣтовалъ барину помѣстить его къ извѣстному въ то время портретисту Лампе. Энгельгардтъ согласился, съ тѣмъ, чтобы Шевченко ходилъ къ нему ежедневно, а жилъ бы дома.

Въ 1832 году семейство Энгельгардта переселилось въ Петербургъ на постоянное жительство. Здѣсь, уступая просьбамъ Тараса, онъ отдалъ его въ ученіе къ живописцу Ширяеву, — работы котораго по преимуществу состояли въ рисованіи вывѣсокъ и раскраскѣ заборовъ. Не смотря на ничтожность этого занятія, Тарасу въ столицѣ открылось широкое поле для изученія любимаго искусства. Не смотря на усталость отъ дневныхъ работъ, онъ часто ночью уходилъ въ лѣтній садъ, и просиживалъ тамъ до утра, срисовывая статуи, или подъ впечатлѣніемъ свѣтлой какъ день сѣверной ночи, думалъ о серебристыхъ ночахъ на родномъ Днѣпрѣ. Тишина и уединеніе сада, сіянье ночи возбуждали юное воображеніе и вызвали воспоминанія горькія и сладкія о прошедшихъ временахъ, о невзгодахъ дѣтства.

По праздничнымъ днямъ Шевченко посѣщалъ залы музеевъ, наслаждался оригиналами великихъ мастеровъ и думалъ что можетъ и онъ способенъ достигнуть такого же совершенства. Къ счастью Шевченко въ Петербургѣ познакомился съ художникомъ, землякомъ Сошенко. По его совѣту онъ началъ писать портреты акварелью. Сошенко былъ пораженъ громадными способностями Тараса въ живописи и рѣшился спасти даровитаго юношу. Прежде всего онъ ввелъ его въ домъ извѣстнаго малороссійскаго писателя Гребенки. Гребенка принялъ живое участіе въ положеніи Шевченко и старался образовать бѣднаго художника. Въ 1837 году онъ представилъ его секретарю академіи художествъ В. И. Григоровичу и просилъ его дать возможность Тарасу и средства изучить искусство. В. И. Григоровичъ, убѣдившись въ талантѣ молодого человѣка, обратился къ добрымъ людямъ съ просьбою помочь Шевченко откупиться на волю — и поступить въ академію.

Въ Шевченкѣ принялъ участіе Василий Андреевичъ Жуковскій. Онъ уговорился предварительно съ Энгельгардтомъ о выкупной цѣнѣ за освобожденіе Шевченко и попросилъ Карла Ивановича Брюлова, знаменитаго русскаго художника, написать свой портретъ и разыграть его въ лотерею за извѣстную сумму. Брюловъ согласился. Портретъ былъ готовъ. Жуковскій устроилъ лотерею и портретъ былъ разыгранъ въ 2,300 руб.—цѣна свободы художника Малороссіи.

Впослѣдствіи Шевченко посвятилъ В. А. Жуковскому свою поэму „Катерина“.

Передъ Тарасомъ Григорьевичемъ отворились двери академіи. Онъ любимый ученикъ и товарищъ Брюлова. Въ свободныя минуты отъ занятій въ академіи, онъ читаетъ по всеѣмъ отраслямъ знаній и стремится приобрѣсти основательное образованіе. Чего Шевченко не могъ достигъ путемъ чтенія и размышленія, то доставляло ему общество образованныхъ людей и писателей, въ средѣ которыхъ его радушно принимали. Оживленные разговоры, споры объ искусствахъ, о разныхъ политическихъ и научныхъ вопросахъ расширили его пониманіе, но онъ не удовлетворялся этимъ и продолжалъ учиться.

Столица, образованное общество, свобода пробудили въ Шевченко сознаніе поэтическаго творчества, громадный талантъ поэта началъ брать перевѣсъ надъ живописью, и онъ страстно отдается ему. Пріятель Шевченко Сошенко убѣждалъ его не бросать живописи и заниматься ею усерднѣе,—даже изъ матерьяльныхъ расчетовъ, но поэтъ не внималъ ему. Въ роскошной мастерской Брюлова, передъ дивными произведеніями его кисти, поэту мерещилась степь, чумаки, Днѣпръ, слышались украинскія пѣсни, мелькали тѣни гетмановъ—и „я задумывался“ говоритъ онъ, и не могъ отвести духовныхъ очей отъ чарующей прелести“.

Поэзія сдѣлалась цѣлью, счастьемъ и горемъ его жизни

Думы мои, думы!
Тяжело мнѣ съ вами.

писалъ онъ.

Въ 1840 году вышло собраніе стихотвореній Тараса Григорьевича Шевченко, подъ названіемъ „Кобзарь“, тутъ было, кромѣ нѣсколькихъ думъ: „Персбендя тополя“, до Основьяненка и поэма „Катерина“. Въ слѣдующемъ году изданы поэмы: „Гайдамаки“ и „Гамалія“. Появленіе стихотвореній Шевченко въ Малороссіи было принято съ восторгомъ. Разсказъ „Катерина“, кромѣ печатныхъ экземпляровъ, разошелся въ тысячѣ списковъ и вытверживался наизусть.

Всѣ были поражены глубиною и свѣжестью чувства поэта, вѣрнымъ изображеніемъ малороссійской народной жизни и небывалой еще прелестью малороссійскаго стиха. Имя Шевченко вдругъ пріобрѣло громадную славу и сразу заняло первое мѣсто въ ряду украинскихъ поэтовъ, которое неотъемлемо принадлежитъ ему и въ настоящее время.

Въ 1844 году, поэтъ, окончивъ срочныя работы въ академіи, и получивъ академическую степень свободного художника, востосковался по родинѣ и уѣхалъ въ Малороссію. Онъ пробылъ довольно долго въ Кіевѣ, изучалъ тамъ мѣстныя древности и готовилъ рисунки для изданія художественнаго альбома: „Живописная Украина“. Въ Кіевѣ онъ познакомился и сблизился съ кружкомъ молодыхъ людей, ученыхъ и писателей, къ которымъ принадлежали: Кулишъ и Николай Ивановичъ Костомаровъ, оказавшіе впоследствии много услугъ малороссійской и русской литературѣ.

Въ бытность свою въ Малороссіи, Тарасомъ Григорьевичемъ написаны поэмы: „Наймичка“, „Невольникъ“, „Сонъ“, „Кавказъ“, „Посланіе къ землякамъ“ и много другихъ стихотвореній равныхъ по достоинству.

1847 года въ іюнѣ мѣсяцѣ за свободный образъ мыслей Шевченко, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми его круга, былъ арестованъ, лишенъ званія свободного художника и отправленъ солдатомъ на службу въ Оренбургскій край.

1847—1857.

Оренбургъ. — Ново-Петровское укрѣпленіе. — Возвращеніе въ Петербургъ.

По прибытіи въ Оренбургъ Шевченко былъ назначенъ въ оренбургскій линейный батальонъ, расположенный въ Орской крѣпости.

Легко понять какъ тяжела была жизнь поэта, полная лишений и строгихъ требованій, которыя налагаетъ военная дисциплина на низшіе чины, послѣ удобствъ и прелести образованнаго общества. Онъ лишенъ былъ даже послѣдняго утѣшенія — ему запрещено было рисовать. Но не смотря ни на что Шевченко переносилъ свое несчастье терпѣливо. Товарищи любили его, помогали чѣмъ могли; начальники оказывали снисхожденіе, и по возможности старались облегчить его участь.

Въ 1848 году черезъ Оренбургъ отправлялась ученая экспедиція для описанія Аральскаго моря, начальникъ экспедиціи съ разрѣшенія ближайшаго начальства пригласилъ Шевченко въ экспедицію для снятія береговыхъ видовъ, въ качествѣ художника волонтера, кочевая жизнь полная новыхъ впечатлѣній, раздолье степей, привѣтливое обращеніе начальника заставили поэта художника забыть печальное настоящее и возвратили душевное спокойствіе. Изъ рисунковъ Шевченко былъ составленъ прекрасный альбомъ и представленъ генералу Обручеву, черезъ котораго ходатайствовали объ облегченіи положенія Шевченко. Къ сожалѣнію успѣха не было.

Въ 1850 году Тарасъ Григорьевичъ былъ отправленъ на азіатскій берегъ Каспійскаго моря, въ Ново-Петровское укрѣпленіе *).

Не смотря на скучную жизнь въ глухой крѣпости, въ киргизскихъ степяхъ, скудную обстановку и недостатокъ образованнаго общества, Шевченко не упалъ духомъ, сохра-

*) Нынѣ Александровскій портъ.

ниль благородство и чистоту души, собственные страданія научили его глубже понимать несчастія другихъ. Друзья доставляли ему новости литературы, краски, карандаши и деньги.

Передъ концомъ ссылки участь Шевченко была облегчена и онъ написалъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній и двѣ большія поэмы. Онъ носятъ слѣды грустнаго настроенія и тихой жалобы на свою судьбу.

Наконецъ друзьямъ-землякамъ и нѣкоторымъ знакомымъ, особенно графу Ѳедору Петровичу, вице-президенту академіи художествъ и его супругѣ графинѣ Анастасіи Ивановнѣ, удалось выхлопотать прощеніе и возвращеніе поэта. „Онъ никогда не могъ говорить безъ благодарныхъ слезъ о семействѣ графа Толстаго. 1857 года 21 іюля получено было въ Ново Петровское укрѣпленіе официальное разрѣшеніе Шевченко оставить мѣсто своего заключенія, и онъ съ первымъ отходящимъ пароходомъ отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ въ апрѣлѣ 1858 года послѣ остановки на нѣсколько времени въ Нижнемъ-Новгородѣ и кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ.

1857—1861.

Поѣздка въ Малороссію. — Избраніе мѣста жительства. — Волѣзнь. — Кончина.

Конецъ пятидесятихъ годовъ—свѣтлая эпоха нашей государственной жизни и гражданскаго развитія, заря славнаго царствованія, пора кипучей дѣятельности, реформъ, надеждъ, ожиданій, стремленій. Наступало освобожденіе крестьянъ, въ обществѣ пробудились самыя лучшія чувства и порывы.

Возвращеніе Шевченко было привѣтствовано не только малороссами, но и русскими, какъ друзьями, такъ и почитателями его таланта. Писатели, художники, молодые люди спѣшили публично выразить свое сочувствіе. Въ честь его давались обѣды, говорились задушевные рѣчи. Далекая Украина не замедлила выразить чувства радости о возвращеніи любимаго поэта.

Тарасъ Григорьевичъ началъ воскресать духомъ и тѣломъ среди людей образованныхъ, сочувствующихъ ему, среди произведеній искусствъ и литературы.

Лѣтомъ 1859 года онъ посѣтилъ Малороссію, навѣстилъ прежде кіевскихъ друзей своихъ, потомъ родное село, гдѣ засталъ еще въ живыхъ нѣкоторыхъ родственниковъ, особенно радостно было его свиданіе съ сестрой Ириной.— Бѣдность близкихъ и неволя огорчали его; помочь семьѣ ему было нечемъ.

Въ Малороссіи Тарасъ Григорьевичъ сталъ пріискивать себѣ мирный уголокъ, для постоянного жительства, вдали отъ свѣта и шума, среди родной природы и простаго народа. Мѣсто хотѣлъ онъ избрать на берегу Днѣпра. Возвратясь въ Петербургъ, онъ только и жилъ желаніемъ перебраться на родину и устроить тамъ скромный очагъ.

Возвратясь въ Петербургъ, Шевченко приступилъ къ новому изданію Кобзаря, оно было принято съ тѣмъ же сочувствіемъ, какъ и первое, сверхъ того онъ принялъ участіе въ изданіи журнала „Основа“—вмѣстѣ съ этимъ торопился покупкою земли и постройкой хаты; наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, была выбрана чрезвычайно живописная мѣстность на правомъ берегу Днѣпра, на высокой горѣ, поросшей небольшимъ лѣсомъ. Внизу горы было разбросано нѣсколько рыбацкихъ хижинъ, а у самой подошвы протекалъ Днѣпръ.

Шевченко пришелъ въ восторгъ и послалъ деньги на уплату за землю. Но бѣдному пѣвцу Малороссіи не суждено было провести остатокъ дней на родинѣ.

Съ осени 1860 года здоровье Тараса Григорьевича стало разрушаться, несмотря на это, онъ не переставалъ трудиться на пользу своего народа—онъ задумалъ распространить въ средѣ простаго народа; грамотность и предпринялъ издать рядъ учебниковъ по разнымъ предметамъ, на

малороссійскомъ языкѣ. Азбука была издана при его жизни,—другіе остались неоконченными.

Въ январѣ 1861 года онъ писалъ своему брату: „другую недѣлю не выхожу изъ дома, слабѣю, кашляю“ и черезъ двѣ недѣли извѣщаль его: „едва держу перо въ рукахъ“. Ему дѣлалось все хуже и хуже. 25 февраля онъ былъ именинникъ, но такъ слабъ, что не могъ уже вставать съ постели. Поздравительныя телеграммы изъ Харькова и изъ Полтавы—одушевили его, онъ весело бесѣдовалъ съ друзьями и надѣялся, что на родинѣ совершенно выздоровѣетъ.

На другой день Тарасъ Григорьевичъ рано всталъ съ постели, сошелъ внизъ въ свою мастерскую (онъ жилъ въ домѣ академіи художествъ), тамъ вдругъ почувствовалъ себя дурно, упалъ—и черезъ полчаса великаго поэта Малороссіи не стало.

Печальная вѣсть о кончинѣ Шевченко быстро разнеслась по городу и глубоко поразила его друзей и почитателей.

Еще грустнѣе поражена была Украина.

„Замолкли звуки, воспѣвавшіе славное, бывшее Украины, поучавшіе народъ доброму дѣлу, разумной думѣ, искреннему чувству.

Со всѣхъ сторонъ Малороссіи получались сожалѣнія и стихи на кончину поэта.

28-го февраля были похороны Тараса Григорьевича Шевченко при громадномъ стеченіи народа, надъ гробомъ сказано было много теплыхъ рѣчей на украинскомъ, великорусскомъ и польскомъ языкахъ.

Шевченко погребенъ былъ временно на Смоленскомъ кладбищѣ. Могила его всегда была въ вѣнкахъ и зелени и напоминала весну и жизнь. Друзья, исполняя его желаніе быть погребеннымъ въ родной землѣ, перевезли его въ Малороссію.

Въ началѣ весны въ 1861 года, изъ Петербурга двинулся печальный поѣздъ съ останками Шевченко. Въ Кіевѣ

народъ, студенты, гимназисты несли гробъ его на себѣ черезъ весь городъ. Изъ Кіева тѣло покойнаго съ такой же церемоніей отправилось на паракходъ по Днѣпру и погребено на избранномъ для него мѣстѣ—въ воспѣтой имъ очаровательной мѣстности на берегу Днѣпра, въ присутствіи родныхъ и друзей и многочисленной толпы народа.

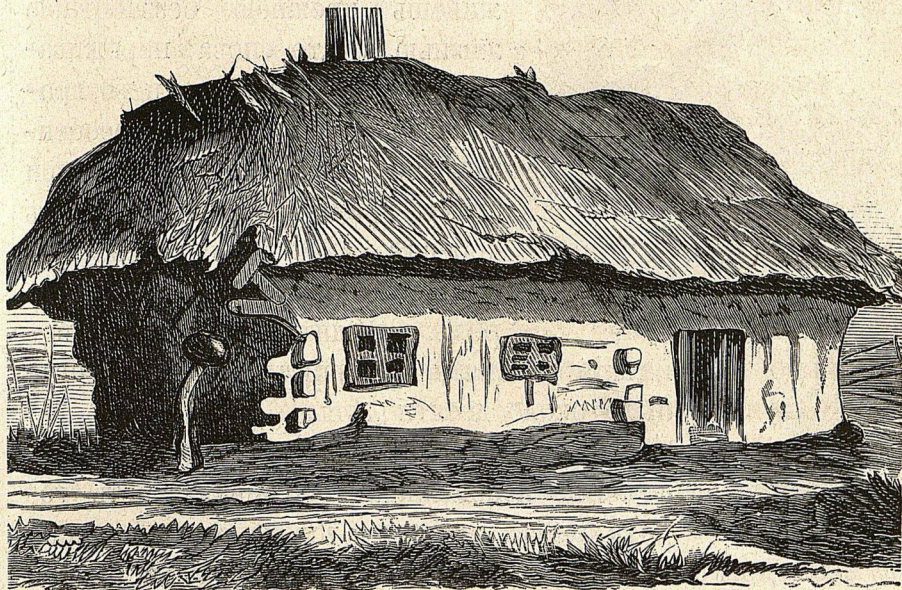
Надъ нимъ сдѣлали высокую насыпь и поставили чугунный крестъ.

Муза его не измѣнила ему ни разу. Она всегда была горячей защитницей убогихъ, сирыхъ и притѣсненныхъ, и смѣло, искренно выказывала свое убѣжденіе.

Онъ въ правѣ былъ сказать своей долѣ:

Мы не лукавили зъ тобою
Мы просто йшли; у насъ нема
Зерна неправды за собою.

* * *

ХАТА ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКО,

рисованная имъ самимъ.

ИВАНЪ КУПАЛА.

(Отрывокъ изъ „Моего прошлаго“).

ВЪ ЯРКИХЪ краскахъ рисуются мнѣ картины моего дѣтства; рѣзко очерченными фигурами представляются въ моей памяти личности, которыя приходилось видѣть и наблюдать. Кажется, будто снова живешь прежнею беззаботною жизнью, будто снова переживаешь и горе, и радость невозвратимаго прошлаго. Но съ особенною ясностью выдѣляется, при этомъ, время, когда мы жили въ деревнѣ, т. е. когда отецъ мой рѣшился, наконецъ, оставить городъ, поселиться въ одномъ изъ имѣній и заняться хозяйствомъ. Мнѣ тогда было около десяти лѣтъ.

Переезду этому сильно способствовалъ пожаръ, испепелившій большую часть города К., въ которомъ мы до этого времени проживали. Необходимость заставила быстро собраться, наскоро распорядиться подводами и черезъ сутки очутиться въ Орловкѣ, куда мы заѣзжали вообще рѣдко и гдѣ никогда не жили подолгу. Казалась-ли деревенская

жизнь слишкомъ скучною сравнительно съ городскою или же родители руководились при этомъ еще какими-нибудь другими соображеніями,—рѣшить не берусь. Для насъ, дѣтей, было важно только то, что мы вмѣстѣ съ гувернанткой неожиданно уѣхали въ большую синюю четырехмѣстную карету и двинулись слѣдомъ за маленькой двухъ-мѣстной кареткой матери, которая ѣхала впереди. Сзади насъ, на тройкѣ лихихъ воронихъ лошадокъ гремѣлъ отцовскій тарантасъ. Еще наканунѣ, въ ночь, отправились подводы со всякимъ скарбомъ съ поваромъ Захаромъ и множествомъ прислуги.

Такимъ образомъ, въ какихънибудь двое сутокъ все перемѣнилось. Мы очутились въ деревнѣ, мы очутились совсѣмъ въ другой незнакомой для насъ обстановкѣ.

Чуть не цѣлый годъ находился я точно въ какомъ-то туманѣ. Меня такъ интересовала природа вообще, смѣна временъ года, нравы и обычаи крестьянъ, что каждый мѣсяцъ, каждая недѣля непременно приносили чтонибудь новое, неожиданное, поражающее дѣтское воображеніе.

Орловка чуть не на половину состояла изъ малороссовъ или, какъ ихъ у насъ называютъ, „хохловъ“, остальная часть были русскіе. Поэтому въ деревнѣ существовало столько разнообразныхъ обычаевъ, столько народныхъ игръ, преданій и обычаевъ, что намъ, дѣтямъ, приходилось только удивляться. Всѣ эти пѣсни то заунывные, хватающія за душу, то лихія до самозабвенія—до сихъ поръ еще звучать у меня въ ушахъ. Въ чудныя лѣтнія ночи приходилось заслушиваться, когда среди полнѣйшей тишины раздастся откуда-то изъ дальняго двора „Охъ ты поле мое, поле чистое“ или „Ихавъ казакъ за Дунай“. Пробирается-ли домой пустая телѣга, возвращающаяся съ поля, мужичекъ непременно ужъ чтонибудь поетъ. Возвращаются ли бабы послѣ какой-нибудь работы, бойкая Алена не утерпитъ чтобы не залиться звонкимъ сопрано, хоръ дружно подхватываетъ и становится, бывало, самому какъ-то неопредѣленно весело. Кончатся-ли полевые работы и у насъ на господскомъ дворѣ пѣніе и плясъ

продолжается чуть не цѣлый день: та же Алена, въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, въ новомъ сарафанѣ, окруженная пестрой толпой молодежи, является „со снопомъ“. Снопъ становится у крыльца, мы всѣ выходимъ посмотрѣть на народъ. Отецъ угощаетъ водкой, мать разговариваетъ съ бабами. Тѣмъ временемъ неимовѣрно быстро выставляютъ на дворъ длинные столы, появляются пироги, домашній квасъ, пиво... Угощенье длится до вечера, прерываемое пляской и „величаніемъ“ господъ.

На рождественскихъ праздникахъ въ нашъ домъ являлась цѣлая толпа ряженныхъ—и опять пѣніе и своеобразная музыка, состоящая изъ гармоники, скрипки и рожка. Затѣмъ слѣдовали „калядки“, гаданія, „подблюдныя“ пѣсни... На новый годъ мужики приходили обсыпать насъ пшеницей „чтобы все въ домѣ было богато“. При этомъ обсыпавшій приговаривалъ:

Сѣю, сѣю,
Посѣваю..
Уроди, Боже,
Жито, пшеницу
И всяку пашницу..

Надо замѣтить, однако, что этотъ послѣдній обычай всегда пугалъ меня, потому что брошенные зерна часто попадали въ лицо и голову и заставляли почесываться.

На Святой недѣлѣ опять новыя радости! красныя яйца, ѣзда къ заутрени... Не спать цѣлую ночь казалось чѣмъ-то необыкновеннымъ, а это „христосованіе“, это деревенское торжество крестнаго хода, при которомъ управляющій стрѣлялъ изъ пистолета для пущей важности—выходило уже совсѣмъ изъ ряда обыкновеннаго. Потомъ—куличи, баранъ жаренный во весь ростъ съ золотыми рогами, масленый баранчикъ съ зеленой травкой во рту, громадныя разукрашенныя пасхи... все это было восхитительно, чудесно...

Утромъ на первый день приходятъ мужики и бабы. Въ залѣ становится душно, въ передней тѣснится толпа, пахнетъ

дегтемъ, полъ испатканъ. Съ каждымъ слѣдовало цѣловаться по три раза и получить по крашенному яйцу или „писанки“. Вскорѣ у меня въ столѣ оказывалось столько яицъ, одно лучше другаго, что я становился въ тупикъ „какое же лучше“?

На дворѣ выстраивались высокія качели. Народъ цѣлый день не расходился. Говоръ, смѣхъ, остроты... Мы, дѣти, прислушивались, любовались всѣмъ этимъ и были твердо убѣждены, что наши крестьяне самые счастливые люди на свѣтѣ, для которыхъ только и остается въ жизни, что пѣсни пѣть да плясать.

Весной „крестили кукушку“. Одна изъ дѣвушекъ, сопровождаемая подругами и парнями, по обыкновенію Алена, срывала вѣтку распустившагося дерева, украшала ее лентами, бусами, колокольчиками, повязывала платкомъ на подобіе женщины и носила по деревнѣ съ пѣснями и музыкой, останавливаясь передъ тою или другой хатой, втыкали вѣтку и начинали „крестить“. Двое, мужчина и женщина, прикрывшись платкомъ, который окутываетъ вѣтку, по очереди говорятъ громко „куку“ и получаютъ въ отвѣтъ „кума“, потомъ опять слѣдуетъ „куку“—„кума“, и такъ до трехъ разъ. Послѣ каждого отвѣта слѣдуетъ поцѣлуй! Получивши такимъ образомъ три поцѣлуя, крестившіе считаются кумовьями.

Н. Сорокинъ.

(Продолженіе будетъ).

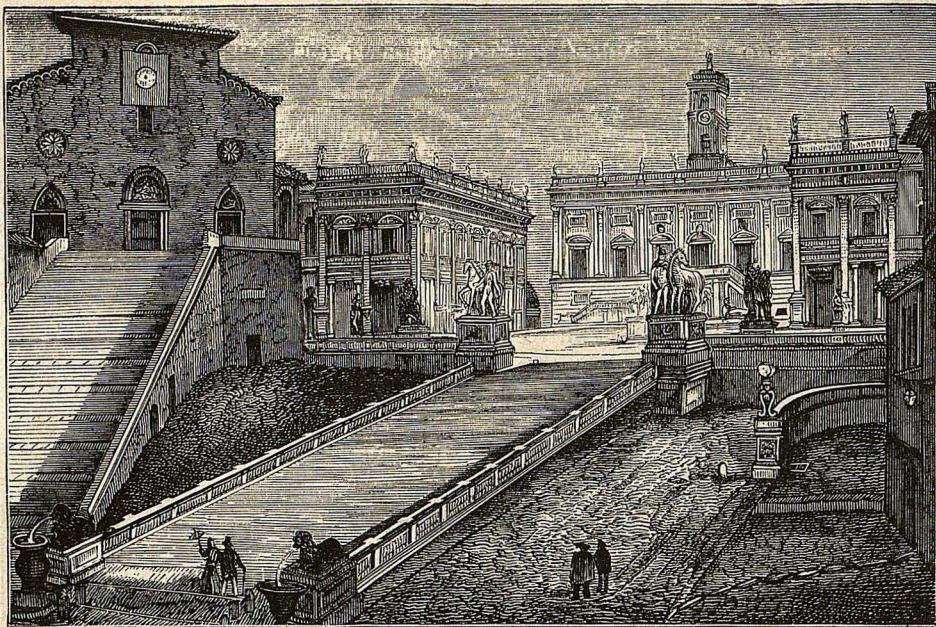

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

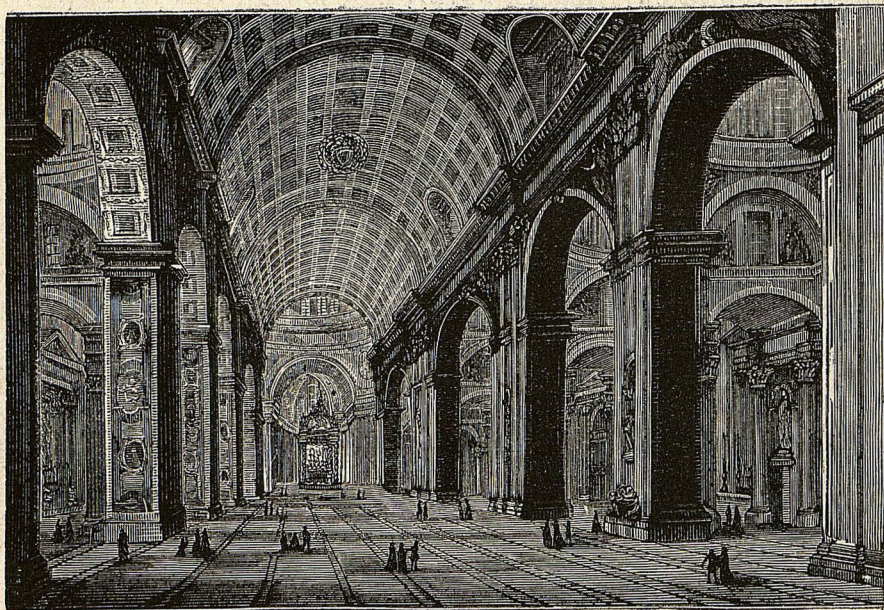
Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 февраля 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11--2.

КОЛИВЕЙ ВЪ РИМѢ (см. „Изъ міра искусствъ“ №№ 3, 4 „Игруш.“
Капитолий

ВНУТРЕННОСТЬ ХРАМА СВ. ПЕТРА.